

DOI: 10.31857/S013038640028067-1

© 2023 г. А.М. ФИЛИТОВ

ПРОБЛЕМА НАКАЗАНИЯ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ: ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Филитов Алексей Митрофанович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

Аннотация. Отталкиваясь от нарратива Р. Джиордано о «второй вине» немцев, автор представил и проанализировал четыре образца обращения с нацистскими преступниками в послевоенной Германии и их отражение в историографии. В отношении советской практики их юридического преследования критически рассмотрены тезисы о ее «пропагандистской направленности» и «излишней жесткости» выносимых приговоров, тогда как в действиях западных оккупационных властей отмечается произвольный и политически мотивированный подход. Большая часть статьи посвящена сравнительному анализу того, как проблема наказания за нацистские преступления была решена (или не была решена) в обоих германских государствах и в объединенной Германии. Должное признание получает деятельность властей ГДР по разоблачению и привлечению к ответственности нацистских преступников. Автор прослеживает извилистый путь процесса «преодоления (нацистского) прошлого» в Западной Германии: от первоначальной волны судебных процессов (по большей части малоэффективных) в 1940-е годы к полной их приостановке в середине 1950-х и к относительному увеличению численности заведенных дел по военным преступлениям и преступлениям против человечности в последующие годы. Дефекты соответствующей юридической практики и попытки ее оправдания в немецкой историографии рассмотрены на базе широкого круга источников.

Ключевые слова: Нюрнбергские процессы 1945–1949, нацистские преступники, преступления против человечности, «вторая вина» немцев, СССР, Германия, ГДР, ФРГ, историография немецкая, историография отечественная, военные трибуналы, Р. Джиордано, Ф. Бауэр, А. Вайнке, Г.-Х. Яш, А. Айхмюллер, У. Херберт.

A.M. Filitov

The Problem of Punishment for Nazi Criminals in the Post-War Germany: History and Historiography

Alexey Filitov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: a_filitov@mail.ru

Scopus Author ID: 57195680741

Abstract. Building on Ralph Giordano's narrative of the Germans' "second guilt", the author presents and analyses four patterns of treatment of Nazi criminals in post-war Germany and their

reflection in historiography. With regard to the Soviet practice of their legal prosecution, the author critically examines the theses about its “propaganda orientation” and “excessive rigidity” of the sentences handed down, while the actions of the Western occupation authorities are characterised by an arbitrary and politically motivated approach. Much of the article is devoted to a comparative analysis of how the problem of punishment for Nazi crimes was, or was not, addressed in the two German states and in unified Germany. The consistent efforts of the GDR authorities to identify and prosecute Nazi criminals have been duly highlighted and recognised. The author traces the winding path of “mastering the [Nazi] past” in West Germany: from the first wave of (largely ineffective) trials in the 1940s to the complete stagnation in the mid-50s and the relative growth of war crimes and crimes against humanity cases opened in subsequent years. The shortcomings of this judicial practice and the acquittal patterns reflected in German historiography are discussed and evaluated drawing on a broad source base.

Keywords: Nuremberg Trials, Nazi criminals, crimes against humanity, “second guilt” of Germans, USSR, Germany, GDR, FRG, German historiography, domestic historiography, military tribunals, Ralf Giordano, Fritz Bauer, Annette Weinke, Hans-Christian Jasch, Andreas Eichmüller, Ulrich Herbert.

На излете существования «старой» (до объединения) ФРГ ее общественность буквально всколыхнула книга видного публициста Р. Джиордано о «второй вине» немцев¹. Если их «первая вина» заключалась в том, что они оказались неспособными предотвратить установление нацистского режима и, более того, в своем большинстве сохраняли ему лояльность вплоть до его полного краха, то «второй виной» стало отсутствие критического осмысления этого режима и собственного поведения, в особенности же отсутствие желания преследовать и наказать тех, кто этот режим представлял и кто был ответственен за его преступления.

Концепция «второй вины» небызупречна; в нацистской Германии имелось движение Сопротивления, и его участников можно, конечно, упрекать в неумении вести нелегальную работу, упущениях и провалах, но это была не их вина, а их беда. А какое обвинение можно было предъявить немецкой семье, в жилище которой сам Р. Джиордано спасался от депортации в лагерь смерти и которой за укрывательство неарийца грозила смертная казнь?! Уже личная история автора данной концепции показывает ее ограниченность.

Еще один недостаток нарратива о «второй вине» — игнорирование ситуации в другой части Германии, где антифашизм стал, по сути, основой государственной доктрины. Как ни странно, в ГДР никак не откликнулись на книгу Джиордано: не поддержали его критику тревожных тенденций в ФРГ и не высказались по поводу чрезмерно расширительной трактовки «второй вины». На то, вероятно, были свои причины: в первые послевоенные годы Джиордано был членом компартии, на какое-то время переселился в ГДР, но вскоре покинул ее и написал книгу с резким осуждением имевшихся там порядков. С точки зрения восточногерманских властей речь шла о ренегате, с которым не имело смысла ни полемизировать, ни тем более поддерживать. Сыграло роль, возможно, и еще одно обстоятельство: как раз в 1987 г. состоялся визит в ФРГ председателя Государственного совета ГДР Э. Хонеккера, ему воздавались всевозможные почести и посулы, в связи с чем указывать на «непреодоленное прошлое» у столь настроенного на сотрудничество западного партнера было сочтено неактуальным. К чести нового правительства ГДР, которое возглавил Г. Модров, в первом программном заявлении, наряду с выражением надежды на «кооперативное сосуществование» с западным соседом, отмечалась «обеспокоенность в мире возрождением неонацизма в ФРГ»².

«Кооперативное сосуществование» двух германских государств оказалось иллюзией: последовал фактический аншлюс ГДР со стороны ФРГ. На фоне победных реляций о триумфе западных ценностей всякое упоминание о каких-то изъянах развития «старой»

¹ Giordano R. Die zweite Schuld oder Von der Last Deutscher zu sein. Hamburg, 1987.

² Neues Deutschland. 18/19.XI.1989. S. 5.

ФРГ стало восприниматься как нечто абсолютно некорректное и заслуживающее осуждения. Выражением этой новой идеологемы стало появление в 1993 г., спустя три года после объединения, книги под характерным названием «Легенда о “второй вине”». Утверждалось, что именно в Западной Германии была проведена наиболее фундаментальная, причем основанная на строгом соблюдении правовых норм, работа по наказанию нацистских преступников, тогда как со стороны Советского Союза как оккупирующей державы, а затем со стороны властей ГДР под маркой «антифашизма» имели место произвольные аресты и пренебрежение юридическими правилами при проведении судебных процессов³. Со временем эти тезисы несколько модифицировались. Новая схема выглядела следующим образом: да, понятие «второй вины» достаточно точно определяло характеристику западногерманского общества в 1950-е годы, однако затем все стало меняться, нацистских преступников стали активно преследовать и добились в этом больших успехов, так что упомянутую «вину» как в «старой» ФРГ, так и в новой объединенной Германии уже полностью искупили.

К сожалению, в российской историографии критический анализ этих нарративов практически отсутствует, равно как и систематическое, с привлечением данных статистики компаративное исследование проблемы наказания нацистских преступников в обеих частях послевоенной Германии. Заполнить эту лауну — задача весьма актуальная и в научном, и в политическом аспектах. Внести определенный вклад в ее решение (и по возможности стимулировать научную дискуссию) — таковы цель и замысел предлагаемой статьи.

Самым фундаментальным и значимым актом правосудия в отношении нацизма и его античеловеческой практики стал Нюрнбергский процесс над главными нацистскими преступниками, проходивший с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г.⁴ Его деятельность и вынесенные им приговоры отразили, с одной стороны, факт сохранения единства союзников по антигитлеровской коалиции, а с другой — наличие первых признаков нарушения этого единства. Таковые проявились, в частности, в разногласиях при определении круга преступных организаций и конкретных наказаний в отношении отдельных обвиняемых. Немцы в подавляющем большинстве вполне позитивно восприняли и сам процесс, и его решения. Многие присоединились к протестам советской стороны на процессе по поводу чрезмерной мягкости в отношении таких фигур, как Я. Шахт, Ф. Папен и А. Шпеер. В их числе оказались не только немецкие коммунисты и их союзники, но и такие антикоммунисты и националисты, как лидер западногерманских социал-демократов К. Шумахер⁵.

Вскоре, по мере нарастания дрейфа к холодной войне, пути развития на востоке и западе Германии стали все более разниться. Резко разошлись и подходы к проблеме наказания тех нацистских преступников, которые не попали в компетенцию судей в Нюрнберге.

НАЦИСТСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ ПЕРЕД СОВЕТСКИМИ СУДАМИ

Деятельность советской юстиции по розыску и наказанию нацистских преступников началась еще в ходе Великой Отечественной войны. В 1943–1947 гг. в Советском Союзе прошло несколько десятков процессов над военными служащими СС и вермахта, виновных в злодеяниях против мирных советских граждан на временно оккупированных

³ Kittel M. Die Legende von der “Zweiten Schuld”. Vergangenheitsbewältigung in der Ära Adenauer. Berlin; Frankfurt a.M., 1993.

⁴ Из обширной литературы, посвященной этому «суду народов», отметим: Полторак А.И. Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы). М., 1966; Лебедева Н.С. Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1974; Нюрнбергский процесс и современность. М., 1986; Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной научной конференции. Москва, 20–21 ноября 2006 г. / под ред. Н.С. Лебедевой, В.В. Ищенко. М., 2007; СССР и Нюрнбергский процесс. Известные и малоизвестные страницы истории. М., 2012.

⁵ СССР и германский вопрос. Т. 2 / сост. Г.П. Кынин, Й. Лауфер. М., 2000. С. 713.

территориях. Такого рода процессы проводились и в советской оккупационной зоне Германии. Приведем типичный пример того, как их оценивают в западной историографии: «Судили отнюдь не невиновных, однако эти суды своей целью имели в первую очередь агитацию — использование прошлого для современной политики... Оценка деятельности советской военной юстиции не может не быть амбивалентной. С одной стороны, советские военные трибуналы внесли отнюдь не малый вклад в искоренение национал-социализма, с другой — основы их работы — прежде всего их тесная связь с произвольными и террористическими мероприятиями органов безопасности, а также явные материальные и процедурно-правовые издержки советского права — представляются настолько проблематичными, что они дискредитировали весь союзнический проект преследования нацистских преступников; так это воспринималось современниками, так это выглядит и в исторической ретроспективе»⁶.

Нетрудно заметить явные противоречия в тяжеловесных рассуждениях автора (речь идет об А. Вайнке, представившей в качестве монографии текст своей диссертации, которая, вероятно, не прошла должную редактуру, что объясняет явные издержки стиля). «Произвол», «террор», некие неназванные «издержки» правовой системы вовсе не помещали, как она сама признает, достаточно точно определить круг виновных, и если целью было не только покарать отдельные личности, но и продемонстрировать миру глубину их падения и чудовищность преступлений режима (видимо, это понимается под «агитацией»), то что же в этом плохого? Издержки в практике советских карательных органов, безусловно, имелись, но связаны они были как раз с отказом от того, что автор называет «агитацией», переходом к закрытым от общественности, засекреченным процедурам преследования и наказания нацистских и прочих преступников. В этом сказывалось влияние нарастающей холодной войны, а к чему это приводило, достаточно ярко описал в своем обращении в высшие партийные инстанции советский военачальник, глава Управления Советской военной администрации в Тюрингии Н.С. Колесниченко: «Ведь американцы, англичане и французы в своих зонах арестовывают немцев не меньше, а больше, чем мы. Причем арестовывают не столько фашистских преступников, сколько демократически настроенные активные элементы, особенно коммунистов. И все же немцы менее болезненно относятся к их арестам, ибо они следуют привычной для немцев процедуре: они не делают из этого сногшибательной тайны. Наоборот, объявляют на пресс-конференциях, в газетах, по радио, сообщают родственникам. Поэтому немцы в западных зонах не могут говорить, что у них люди в массовом порядке “исчезают”. А в нашей зоне они так говорят и будут говорить, пока не изменится практика арестов и обращения с арестованными»⁷. К сожалению, наверху к этим здравым мыслям не прислушались.

Никак нельзя принять претензии А. Вайнке к российским архивным службам, которые якобы затрудняют работу исследователей. «Архивная революция», начавшаяся в позднем СССР и продолжившаяся в новой России, дала историкам, в том числе и зарубежным, почти неограниченный доступ к материалам, ранее считавшимся строго секретными, в частности о деятельности спецслужб и юстиции. Собранных немецкими исследователями документов хватило на два тома сборника о деятельности советских военных трибуналов и вдобавок еще на дополнительный том о вынесенных ими смертных

⁶ Weinke A. Die Verfolgung von NS-Taten im geteilten Deutschland. Vergangenbewältigung 1949–1969 oder: Eine deutsch-deutsche Beziehungsgeschichte im Kalten Krieg. Paderborn, 2002. S. 30.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128. Д. 572. Л. 90.

приговорах⁸. Амбивалентной при этом предстает не деятельность советской юстиции, а скорее ее интерпретация.

Примером может служить аналитическое исследование одного из авторов-составителей этих сборников М. Шмайцнера⁹. Он признает бесспорность доказательной базы советских обвинителей и в этой связи выражает несогласие с теми из его коллег (конкретно называются российский историк из «Мемориала» Н. Петров и немецкий исследователь М. Цайдлер), кто считает процессы против гитлеровских военных преступников инсценировками по типу того, что имело место в СССР в 1937–1938 гг. Его критические замечания в адрес советского судопроизводства не носят огульного характера, некоторые из них небезосновательны. Зафиксированная им тенденция у советских юристов даже при наличии неопровержимых улик и показаний свидетелей во что бы то ни стало добиваться признания обвиняемого (очевидное влияние концепции Вышинского о «царице доказательств») приводила к затягиванию следствия, что, как автор справедливо отмечает, позволило многим преступникам избежать заслуженного наказания, поскольку в мае 1947 г. в СССР последовала отмена смертной казни. Можно принять и его критику по поводу чрезмерно поспешной, а потому чреватой ошибками кампании по осуждению оставшихся после массовой репатриации военнопленных в конце 1949 – начале 1950 г. Ранее примерно о том же высказывались российские историки, труды которых данный автор, к сожалению, игнорирует¹⁰.

Как известно, после того как смертная казнь была вновь введена в 1950 г., к немецким военным преступникам ее не применяли и никто из них не отбыл назначенного срока заключения – последние были репатриированы в 1955 г. Тем не менее Шмайцнер упорно пытается доказать, что советские власти в преследовании нацистских преступников проявляли «особую жесткость» (*besondere Härte* — это можно понимать и как «излишняя жестокость»).

Статистические данные, содержащиеся в его исследовании, никак этот вывод не подтверждают. Из приведенной автором оценочной цифры «почти 70 тыс. немецких граждан», привлеченных к ответственности советскими судами до 1955 г., и такой же оценочной цифры доли приговоров по делам о преступлениях нацистского режима (примерно 70%) следует, что таких дел было рассмотрено порядка 45–50 тыс. Суммируя приведенные в том же исследовании отдельные данные о количестве осужденных за преступления гитлеровского режима военнослужащих (30 782) и гражданских лиц (около 4300), получаем общее их число порядка 35 тыс. Разница между числом рассмотренных дел и количеством осужденных — 10–15 тыс. Столько, очевидно, было оправдано — это очень большой процент оправдательных вердиктов! Что же касается смертных приговоров, то их количество и число тех, что были приведены в исполнение, называются с точностью до последнего знака: соответственно 3301 и 2542. Если считать, что из них нацистских

⁸ Sowjetische Militärtribunale. Bd. 1. Die Verurteilung deutscher Kriegsgefangenen 1941–1953 / Hrsg. A. Hilger, U. Schmidt, G. Wagenlehner. Köln, 2001; Sowjetische Militärtribunale. Bd. 2. Die Verurteilung deutscher Zivilisten, 1945–1955 / Hrsg. A. Hilger, M. Schmeitzner, U. Schmidt. Köln, 2003; Todesurteile sowjetischer Militärtribunale gegen Deutsche (1944–1947). Eine historisch-biographische Studie / Hrsg. A. Weigelt, K.-D. Müller, Th. Schaarschmidt, M. Schmeitzner. Göttingen, 2015. Подобных изданий о деятельности юстиции западных держав в своих зонах, насколько известно, не существует.

⁹ Schmeitzner M. Besondere Härte? Die sowjetischen Verfahren von SS- und Polizei-Komplex // Die SS nach 1945 / Hrsg. J.E. Schulte, M. Wildt. Entschuldungsnarrative, populäre Mythen, europäische Erinnerungsdiskurse. Göttingen, 2018. S. 145–161.

¹⁰ Один из ведущих специалистов по проблеме положения и судеб немецких военнопленных в СССР вологодский историк В.Б. Конасов на международном семинаре, состоявшемся в его родном городе в 2005 г., сообщил, что из 30 тыс. приговоров лицам этой категории, вынесенных с декабря 1949 г. по февраль 1950 г., более 10 тыс. были пересмотрены согласно закону от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий». На том же семинаре, однако, в выступлении А.Е. Епифанова отмечалось, что решения о реабилитации по некоторым делам были опротестованы и отменены. См.: Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР. Материалы международного научного семинара (Вологда, 17–18 октября 2005 г.). Вологда, 2006. С. 75–76, 92.

преступников были те же «примерно 70%», то получается, что высшую меру наказания получили около 2300 гитлеровцев, из них 500–600 было затем помиловано.

Оставляя в стороне вопрос о точности этой статистики, никак нельзя говорить об особой жесткости или тем более жестокости, проявленных советскими судьями: ведь доля смертных приговоров составляла всего 5–6% от общего их числа, а доля приведенных в исполнение и того меньше. Заметим к тому же, что советская сторона в карательной практике, по крайней мере в первые послевоенные годы, не допускала огульного подхода, исследуя индивидуальную вину, невиновность и/или смягчающие обстоятельства в отношении каждого конкретного подсудимого.

ПРОБЛЕМА НАКАЗАНИЯ НАЦИСТСКИХ ПРЕСТУПНИКОВ В ПОЛИТИКЕ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ

По-иному выглядела ситуация в Западной Германии, где действовали военные власти западных держав. Прежде всего следует сказать о крайне негуманном, издевательском отношении к массе капитулировавших солдат вермахта. «Охранники развлекались тем, что бросали внутрь лагеря остатки пищи и окурки... Тот, кто был ближе всех, пытался их поднять, его сбивали с ног стоявшие сзади... Получалась людская куча, из которой торчали вымазанные глиной до паха ноги... Условия для отправления “естественных нужд” были ужасающи. Солдатам, которые находились в ниже расположенной части моего лагеря, приходилось барахтаться буквально в озере мочи», — таковы лишь некоторые из воспоминаний тех, кто оказался в «рейнских лагерях», организованных американцами в апреле 1945 г. после капитуляции группировки вермахта в «Русском котле». Можно представить себе, как это прокомментировали бы, если бы речь шла о советском лагере; в данном же случае все ограничилось замечанием, что умерло «всего лишь тысяч десять» пленных и что американцы нашли эффективный способ для предупреждения массовой эпидемии: на военнопленных обильно распыляли порошок ДДТ (как известно, этот инсектицид предназначался отнюдь не для применения к людям, а позднее его вообще запретили — он оказался чрезвычайно вреден даже в малых дозах)¹¹.

Не иначе как произволом можно охарактеризовать и применявшуюся западными оккупационными властями практику «автоматического ареста», которая распространялась на всех, кто имел какое-то отношение к нацистской партии, включая ее номинальных членов. Прежде всего это относилось к американской зоне: к концу 1945 г. в лагерях там насчитывалось свыше 117 тыс. лиц, официально считавшихся интернированными¹². Не менее произвольный характер носили и время от времени проводимые массовые амнистии. Основанием для освобождения была не степень раскаяния или отсутствие состава преступления, а какая-либо примечательная дата (например, Рождество) или возраст (принадлежность к молодежной когорте — хотя именно среди таковой было особенно много фанатичных почитателей Гитлера).

Объектом внесудебной практики стала поначалу и та часть нацистской элиты, которая, будучи главным спонсором и выгодополучателем режима, усиленно подчеркивала свою аполитичность и даже оппозиционность. Речь идет о владельцах и ведущих менеджерах банков, концернов и прочих монополистических объединений, на время также подвергшихся интернированию. Точных данных о количестве задержанных и сроках их отсидки мало, и они противоречивы, отмечает немецкий исследователь Т. Шанецки, приводя лишь несколько примеров: «двумя волнами, в сентябре и ноябре 1945 г., британские власти интернировали около 120 рурских промышленников», один из них, Г.-Г. Золь, заместитель председателя правления Vereinigte Stahlwerke, провел полтора года на голых

¹¹ Overmans R. “Ein untergeordneter Eintrag im Leidenbuch der jüngeren Geschichte”? Die Rheinwiesenslager 1945 // Ende des Dritten Reiches — Ende des Zweiten Weltkriegs. Eine perspektivische Rückschau / Hrsg. H.-E. Volkmann. München; Zürich, 1995. S. 266–268.

¹² Kettenacker L. Germany since 1945. London, 1997. P. 17.

досках в лагерном бараке, потеряв 25 кг, а вот банкир Г.-Й. Абс, арестованный в январе 1946 г., вышел на свободу уже через три месяца¹³. Много говорит за то, что по факту проходил закулисный торг о судьбах нацистских активов: кто соглашался делиться, того освобождали и восстанавливали в функциях руководителей немецкой экономики, кто упорствовал — дорого за это платил. Юридические процедуры для такого рода взаимодействия, естественно, не подходили.

Первый судебный процесс в Западной Германии по делам о нацистских преступлениях (против надзирателей и охранников концлагеря Берген-Бельзен) прошел в Люнебурге (британская зона) с 17 сентября по 17 ноября 1945 г.: 11 обвиняемым был вынесен смертный приговор, 33 получили длительные сроки заключения¹⁴. Аналогичные разбирательства имели место в американской и французской зонах. Относительно общей численности рассмотренных дел, привлеченных к суду обвиняемых, вынесенных приговоров — налицо большой разноречивости. А. Вайнке приводит следующие данные: с 1945 по 1947 г. военными судами США обвинения были выдвинуты против 1941 лица, из них осуждено 1517, в британской зоне были рассмотрены дела против 1085 обвиняемых (число приговоров не приводится), по французской называется число приговоренных 2107, но не известно количество обвиняемых. Всего же, по неким «внутренним оценкам», союзниками осуждено около 10 тыс. преступников. Простое сложение приведенных ею данных по зонам дает гораздо меньшую цифру, и это противоречие никак не объяснено. Еще более разительное противоречие можно обнаружить в самой близкой к нам по времени работе Г.-Х. Яша: «Во время войны, а также после ее окончания судами союзников за участие в преступлениях национал-социализма было осуждено около 100 тыс. немцев и австрийцев. В оккупированной Германии и в Австрии союзники вынесли приговоры в отношении 8812 лиц»¹⁵. То ли в первой цифре по недосмотру был добавлен лишний ноль, то ли имелось в виду, что свыше 90 тыс. судили за пределами Германии. Скорее, верно первое предположение. В большинстве работ приводятся оценочные данные о примерно 5 тыс. осужденных в западных зонах Германии за военные преступления и преступления против человечности, из которых примерно 800 были приговорены к смертной казни; разнятся данные о количестве приговоров, которые были приведены в исполнение: в одних случаях фигурирует оценка — треть от вынесенных, в других — конкретная цифра 486¹⁶. Доля смертных приговоров, таким образом, составила примерно 16% от их общего числа (приведенных в исполнение — от 6 до 10%). Западная «либеральная» юстиция, как оказалось, проявила в данном случае меньше милосердия, чем «тоталитарная» советская, притом что интенсивность работы по розыску и привлечению к суду нацистских преступников на западе (куда они в основном и сбежали) была намного ниже.

Упомянутые выше процессы затрагивали лиц, находившихся на низших ступенях нацистской иерархии. Дела на лиц, занимавших в ней более высокое положение, рассматривались в ходе 12 процессов, которые были проведены в Нюрнберге. Из 177 обвиняемых 24 получили смертный приговор, 12 были приведены в исполнение¹⁷. Суды против замешанных в преступлениях представителей военной элиты и спецслужб Третьего рейха проходили и в других городах Западной Германии. Их отличает тенденция если не к полной реабилитации обвиняемых, то, по крайней мере, к попыткам найти в их пользу смягчающие обстоятельства, причем занимались этим весьма высокопоставленные лица. Так, в ходе процесса над шефом СС и полиции на итальянском фронте К. Вольфом свидетелем

¹³ *Schanetzky T.* Unternehmer: Profiteure des Unrechts // *Karrieren in Zwielicht. Hitlers Eliten nach 1945* / Hrsg. N. Frei. Frankfurt a.M., 2002. S. 80–81.

¹⁴ *Weinke A.* Die Verfolgung von NS-Taten... S. 28.

¹⁵ *Jasch H.-Ch.* NS-Verbrecher vor bundesdeutschen Gerichten. Zur Täterschaft und Täterbegriff // *Aufarbeitung des Nationalsozialismus: Ein Kompendium* / Hrsg. M. Brechtken. Göttingen, 2021. S. 211.

¹⁶ *Fischer Th.* Vorwort // *Karrieren in Zwielicht*. S. 7; *Kettenacker L.* Op. cit. P. 16; *Nichols A.J.* The Bonn Republic: West German Democracy. London, 1997. P. 16.

¹⁷ *Fischer Th.* Op. cit. S. 7.

защиты выступил его партнер по сепаратным переговорам в Швейцарии (операция «Санрайз-Кроссворд») А. Даллес, ставший вскоре директором ЦРУ. В результате обвиняемого, фактически третье лицо в эсэсовской иерархии (после Гиммлера и Кальтенбруннера), в ноябре 1948 г. приговорили к четырем годам заключения, и вскоре он вышел на свободу¹⁸.

При подготовке процесса против фельдмаршала Э. фон Манштейна, состоявшегося в Гамбурге (британская зона) в августе—декабре 1949 г., была развернута широкая международная кампания по сбору пожертвований для оплаты защиты обвиняемого, в которой принял участие среди прочих и У. Черчилль. Личности подобранных защитников — один был представителем еврейской диаспоры, другой имел репутацию пацифиста — должны были убедить судей в их объективности, притом последний доказал свой «пацифизм» заявлением, что явился, чтобы выступить адвокатом не столько лично обвиняемого, сколько немецкой армии, вместе с которой надо-де защищать Западную Европу. Можно по достоинству оценить принципиальность судей: они не очень поддались на эту аргументацию и вынесли обвинительный приговор. Однако уже в феврале 1950 г. срок заключения был сокращен с 18 до 12 лет, а в 1953 г. военный преступник вышел на свободу: были зачтены время его пребывания в плену, хорошее поведение и справка о плохом состоянии здоровья. Заметим, что он прожил еще 20 лет, побывав вдобавок советником Аденауэра по военным вопросам; на похороны свой венок прислало министерство обороны ФРГ¹⁹.

Хотя требование всеобщей амнистии формально отвергалось оккупационными властями, де-факто она шла достаточно быстрыми темпами. Уже к 1951 г. на свободу вышли все ранее осужденные магнаты капитала. Что касается военных преступников, то к началу 1952 г. в местах заключения оставалось 700 человек, к 1955 — 94, летом 1957 г. последних выпустили на свободу англичане и французы, в 1958 — американцы²⁰. На этом деятельность западной оккупационной юстиции в Германии закончилась. Произвол как в наказании, так и в освобождении от наказания стал ее отличительной чертой. Если что и «компрометировало союзнический проект», о чем писала А. Вайнке, то это именно политика Запада.

НАЦИСТСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ ПЕРЕД НЕМЕЦКИМИ СУДАМИ: ГДР

Вновь образованному восточногерманскому государству советская сторона передала незавершенные дела в отношении более 3 тыс. лиц, ранее содержавшихся в спецлагерях НКВД/МВД СССР. Они стали фигурантами так называемых Вальдхаймских процессов (по названию города в Саксонии, где они проходили). Об их результатах данные расходятся. По утверждению одного из первых исследователей, получивших доступ к закрытой статистике, к длительным срокам заключения был приговорен 3291 обвиняемый, 33 получили смертный приговор²¹. В более позднем обобщающем труде по истории Германии XX в. речь идет о почти 3 тыс., получивших сроки свыше 10 лет, 31 подсудимом, приговоренном к смертной казни, и 24, в отношении которых этот приговор был приведен в исполнение; кроме того, отмечается, что только сотня обвиняемых была оправдана²². При анализе этих цифр следует иметь в виду, что в спецлагеря попадали не только участники нацистских зверств, но и разного рода криминальные элементы, противники новой власти, вражеские агенты и т.д. Вальдхаймские процессы получили крайне негативную

¹⁸ *Lingen K. von.* Allen Dulles, the OSS, and Nazi War Criminals: The Dynamic of Selective Prosecution. New York, 2013.

¹⁹ *Scholten J.* Offiziere: Im Geiste unbesiegt // *Karrieren in Zwielicht.* S. 140—142.

²⁰ *Ibid.* S. 143.

²¹ *Eisert W.* Die Waldheimer Prozesse: der stalinistische Terror 1950. Ein dunkles Kapitel der DDR-Justiz. München, 1993. Цит. по: *Поссекель Р.* Арест и освобождение немцев из спецлагерей НКВД/МВД СССР в Германии 1945—1950 гг. // Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945—1950 гг. Сб. документов и статей / под ред. С.В. Мироненко. М., 2001. С. 307.

²² *Herbert U.* Geschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert. München, 2014. S. 572.

оценку в историографии — даже более жесткую, чем в отношении деятельности советского правосудия. Отмечается, в частности, что власти ГДР не последовали советскому примеру и не отменили хотя бы на время смертную казнь (официально ее вычеркнули из реестра наказаний только в 1981 г.). Вместе с тем в отношении доказательной базы и корректности судопроизводства на процессах против отдельных преступников претензий, как правило, не предъявляется. Возражения вызывает лишь несоответствие юридической практики в ГДР нормам немецкого права²³. Они неосновательны: как мы увидим далее, именно следование старым, еще времен монархии, нормам немецкого права в ФРГ существенно осложнило там дело преследования нацистских преступников.

Уникальным достижением юстиции ГДР стал заочный процесс над ближайшим сотрудником канцлера К. Аденауэра, руководителем его личной канцелярии Г. Глобке, прошедший в 1963 г.: впервые под судом за свои преступления периода фашистской диктатуры (в их числе разработка расовых Нюрнбергских законов) оказался действующий государственный чиновник ФРГ, притом столь высокого ранга. Объективность данного судопроизводства и справедливость вынесенного приговора (пожизненное заключение) признают в том числе и авторы, весьма критически настроенные к ГДР²⁴.

Согласно отчетам о деятельности органов правосудия ГДР по делам о преступлениях национал-социализма, опубликованным в 1965—1967 гг., было 16 583 обвиняемых, из них 12 818 осуждены, из них 119 — к смертной казни, а 239 — к пожизненному заключению²⁵. В последующем шла кропотливая точечная работа органов безопасности и правопорядка ГДР по выявлению и привлечению к ответственности тех, кто сумел скрыть свое преступное прошлое и даже порой всячески демонстрировал свою лояльность рабоче-крестьянскому государству: за период с середины 1960-х до 1989 г. было вынесено 77 приговоров в отношении лиц, участвовавших в карательных акциях гитлеровского режима, из них 10 — к высшей мере²⁶. С последствиями 12 лет фашизма и войны на востоке страны разобрались самым основательным и бескомпромиссным образом.

НАЦИСТСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ ПЕРЕД НЕМЕЦКИМИ СУДАМИ: ФРГ

В первом десятилетии XXI в. Мюнхенский институт современной истории осуществил большой исследовательский проект по созданию банка данных о всех делах, возбужденных в обоих германских государствах против лиц, виновных или подозреваемых в преступлениях национал-социалистического режима. Параллельно с проектом шла и подготовка аналитических работ по данной тематике. Остановимся подробнее на одной из них, достаточно репрезентативной, автором которой является один из участников проекта А. Айхмюллер.

Начинается она с описания весьма показательных событий, имевших место 23 мая 1949 г., в день принятия в Бонне Основного закона, что считается и днем рождения ФРГ. Речь идет о судах, где рассматривались дела о преступлениях, совершенных нацистами и их приспешниками, которые проходили в пяти городах новорожденного государства. В трех случаях судили осведомителей гестапо; один получил два месяца заключения, другой — три, третий — пять, но не за донос, а за то, что сперва жестоко избил того, на которого затем донес. Из восьми обвиняемых в антисемитских бесчинствах в ходе Хрустальной ночи в ноябре 1938 г. двое получили сроки в 9 и 12 месяцев, остальные были оправданы «из-за недостатка улик». Еще одним обвиняемым стал военный судья, который в 1944 г. посчитал слишком мягким приговор низшей

²³ Dörscher H.-J. Aufarbeitung von NS-Unrecht. Was die Staatsanwältin sah // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 19.X.2015.

²⁴ Bästlein K. The GDR's Judgment against Hans Globke // After Auschwitz: The Difficult Legacies of the GDR / eds E. Heitzer, A. Kahane, M. Jander, P. Pourtrus. New York, 2021. P. 74—87.

²⁵ Braunbuch. Krieger- und Naziverbrecher in der Bundesrepublik und in Westberlin. 3-te Auflage. Berlin, 1968. S. 9.

²⁶ Dörscher H.-J. Op. cit.

инстанции некоему морскому офицеру и изменил его на смертный. Вердикт — невиновен, действовал по закону²⁷.

Примеры такого правосудия, которое нельзя назвать иначе, как издевательством над жертвами (которых к тому времени по большей части уже не было в живых), нередко приводятся на страницах данной книги и немалого числа ее аналогов, и неудивителен вывод автора, что соответствующие разбирательства «не представляют собой славной страницы в (истории) юстиции Федеративной Республики». Удивляет другое — его утверждение, что «справедливое и адекватное юридическое преследование массовых, с миллионами жертв, убийств и других преступлений нацистского режима было делом заранее невозможным»²⁸. Приводятся два аргумента (они типичны для большинства его коллег). Первый: западногерманские органы правосудия руководствовались положениями традиционного уголовного права (закон не имеет обратной силы, необходимо точно определить время и место преступления, степень личного участия в нем обвиняемого, личность потерпевшего и т.д.), а они не подходили к ситуации, когда преступником являлось само государство, осуществлявшее террор против отдельных групп населения и целых народов. Игнорируется при этом тот факт, что уже Устав Нюрнбергского трибунала предусмотрел новые юридические нормы в отношении расследований по военным преступлениям и преступлениям против человечности, их правоприменение для германских судов было кодифицировано Законом № 10 Контрольного совета, им руководствовалась юстиция ГДР, до середины 1951 г. его могли использовать и в судах западных зон²⁹. Таким образом, альтернатива была, она работала, но потом в ФРГ от нее отказались.

Почему это произошло? Для ответа на этот вопрос в ход идет вторая линия аргументации: против нюрнбергского правосудия, за максимально мягкое обращение с нацистскими преступниками, а то и полный отказ от их преследования, выступали якобы сами немцы, или, по крайней мере, их большинство там, где они могли свободно высказываться, т.е. в демократической Западной Германии. Таково, мол, было общественное мнение: в нем господствовал менталитет «подведения черты под прошлым». Приводится и соответствующее объяснение: в ситуации послевоенной разрухи люди были заняты «борьбой за существование, в обстановке лишений и нужды они зачастую проявляли скорее равнодушие к чужому горю», отсюда — нежелание заниматься вопросами о жертвах и преступлениях прошлого³⁰. Логика этих изысканий в области социальной психологии предполагает, что максимум таких настроений должен был бы прийти на первые послевоенные годы, а с улучшением условий жизни они уходили бы в прошлое. Фактически же произошло как раз обратное. Как констатирует автор одного из самых авторитетных трудов по германской истории XX в. У. Херберт, «первоначально достаточно интенсивный процесс осуждения преступлений национал-социализма стал уходить на задний план начиная уже с 1948 г., а еще быстрее — после образования Федеративной Республики»³¹. Этот вывод подтверждается статистическими данными: если в 1949 г. прошло 3346 процессов против нацистских преступников и было вынесено 1474 приговора, то в 1955 г. — всего 276 процессов и 15 приговоров³². После же вступления ФРГ в НАТО и обретения ею суверенитета в мае 1955 г. «юридическое преследование нацистских преступлений практически прекратилось»³³.

Зато усилилось преследование демократических сил, прежде всего коммунистов. Число возбужденных против них дел и вынесенных приговоров (соответственно 125 тыс.

²⁷ Eichmüller A. Keine Generalamnestie. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in der frühen Bundesrepublik. München, 2012. S. 1.

²⁸ Ibid. S. 430.

²⁹ Jasch H.-Ch. Op. cit. S. 218.

³⁰ Eichmüller A. Op. cit. S. 422.

³¹ Herbert U. Op. cit. S. 658.

³² Jasch H.-Ch. Op. cit. S. 212.

³³ Herbert U. Op. cit. S. 665.

и 6–7 тыс. в период с 1951 по 1968 г.³⁴) превысило аналогичные показатели преследования нацистских преступников за тот же период (106 тыс. и 6 тыс.). У. Херберт сокрушенно констатирует в этой связи, «насколько слабо укоренились государственно-правовые принципы западногерманской демократии»³⁵. В 1956 г. компартия вообще была объявлена вне закона и перешла на нелегальное положение; аресты ее сторонников продолжались. То, что значительная часть населения ФРГ не выступила против этого антикоммунистического террора, можно по праву считать «третьей виной» немцев, если употреблять терминологию Р. Джиордано.

Приведенная в работе Г.-Х. Яша диаграмма, иллюстрирующая динамику числа возбужденных в ФРГ дел по нацистским преступлениям, отмечает любопытную картину: после того как в 1955 г. была достигнута низшая точка, кривая слегка приподнялась, вышла на «плато», а с 1958 г. резко пошла вверх, достигнув пика в 1961 г.³⁶ Эту тенденцию в немецкой историографии стали называть «коренным поворотом», чуть ли не «революцией» (*Wende, Wandel, Zäsur*) в деле преследования нацистских преступников³⁷.

Наиболее показательной характеристикой этого поворота считается начало деятельности (с 1 декабря 1958 г.) Центрального ведомства земельных управлений юстиции по расследованию преступлений национал-социализма в Людвигсбурге (земля Гессен). Сам факт создания новой властной структуры с таким названием свидетельствовал о ложности тезиса, что проблема преодоления нацистского прошлого уже закрыта, все виновники наказаны, и справедливость восторжествовала. Дело не ограничилось организационной новацией: отныне в сфере правосудия оказались ранее не подлежавшие рассмотрению преступления на временно оккупированных территориях, что резко расширило круг потенциальных подсудимых. Определенные изменения произошли и в сфере масс-медиа: «Те же самые популярные журналы, которые в начале 1950-х годов критиковали проводимые союзниками процессы, называя их несправедливыми преследованиями ни в чем не повинных немецких солдат, теперь всю печатали возмущенные статьи об участниках массовых убийств из Тильзита»³⁸. В данном случае имеются в виду фигуранты состоявшегося в феврале–августе 1958 г. Ульмского процесса — 10 сотрудников гестапо, СД и «полиции порядка», которые входили в «айнзацкоманду» Тильзит и проводили расстрелы еврейского населения в Литве в сентябре 1941 г.³⁹

О причинах внезапного прозрения западногерманских юристов и журналистов имеются разные точки зрения. А. Вайнке считает, что «решающим импульсом к интенсификации расследований нацистских преступлений в Федеративной Республике» стали разоблачительные «антифашистские кампании ГДР»⁴⁰. У. Херберт придерживается противоположного мнения: все, что исходило от ГДР, воспринималось на Западе как коммунистическая пропаганда, а потому акции Берлина по преданию гласности нацистского прошлого разного рода политиков и чиновников ФРГ носили даже контрпродуктивный характер⁴¹. Думается, А. Вайнке ближе к истине, хотя решающим считать «фактор ГДР» вряд ли стоит.

Как представляется, главные причины определенного поворота в деле преследования нацистских преступников на рубеже 1950–1960-х годов следует искать в сфере менявшихся императивов политики правящих кругов ФРГ — как внешней, так и внутренней. К концу 1950-х годов в ФРГ все больше стали осознавать бесплодность прямой

³⁴ В 1951 г. начался процесс против КПП, в 1968 г. компартия легализовалась под новым названием — Германская коммунистическая партия (ГКП).

³⁵ *Herbert U. Op. cit. S. 669.*

³⁶ *Jasch H.-Ch. Op. cit. S. 211.*

³⁷ *Eichmüller A. Op. cit. S. 4.*

³⁸ *Herbert U. Op. cit. S. 770.*

³⁹ *Müller S., John T. Die Mörder unter uns. Der Ulmer Einsatzgruppenprozess 1958. Stuttgart, 2008.*

⁴⁰ *Weinke A. Die Verfolgung von NS-Taten... S. 343.*

⁴¹ *Herbert U. Op. cit. S. 771.*

конфронтации со странами восточного блока, появились надежды на внесение раскола в их ряды. Особая ставка была сделана на Польшу, и не случайно, что после Ульмского крупный процесс был организован против охранников и надзирателей расположенного именно на польской территории концлагеря Освенцим (немецкое название Аушвиц), — это должно было как-то улучшить имидж реваншистского Бонна в глазах поляков⁴².

Определенного эффекта авансы западногерманской стороны в отношении Польши достигли. Еще в апреле 1960 г. в здании польской военной миссии, расположенной в Западном Берлине, состоялась первая почти конспиративная встреча с функционером людвигсбургского ведомства, которого не понятно за что «осыпали хвалебными речами»⁴³. В феврале 1965 г. состоялся визит в Варшаву главы этого ведомства Э. Шюле, причем принимающая сторона подчеркнуто проигнорировала обнародованные к тому времени данные о нацистском прошлом приглашенного гостя и постаралась создать впечатление о «нейтральной позиции Польши в германо-германском конфликте»⁴⁴, что, разумеется, прямо противоречило официальной позиции польского руководства, подчеркивавшего свою солидарность с СССР и ГДР в борьбе против тогдашней действительно реваншистской политики ФРГ.

Заметим, что события на территории Советского Союза, страны, наиболее пострадавшей от фашистской агрессии, не вошли в число приоритетных для западногерманских расследователей: из компетенции нового ведомства заранее исключались «преступления, связанные с военными действиями», включая те, которые совершались в отношении советских военнопленных. А. Вайнке в новой монографии, посвященной истории людвигсбургского ведомства, считает такое ограничение полномочий одним из его «врожденных пороков»⁴⁵.

Помимо внешнеполитического аспекта, широко разрекламированный поворот в деле преследования нацистских преступников призван был решить еще и сложную внутриполитическую задачу, впрочем, власти ФРГ сами для себя ее создали. Дело в том, что в 1951–1957 гг. бундестаг принял ряд законов-толкований к статье 131-й Основного закона, расширивших круг лиц из числа функционеров нацистского режима, которые могли требовать восстановления в должности или финансовой компенсации. Поток такого рода «пострадавших» (по большей части они ранее скрывали свое прошлое, а теперь решили легализоваться) грозил буквально затопить все звенья уже укомплектованного управленческого аппарата и/или обанкротить государственные финансы. Людвигсбургское ведомство должно было, говоря современным языком, собирать компромат, но было лишено права возбуждать на его основе уголовные дела и тем самым, как нельзя лучше, подходило для того, чтобы как-то зарегулировать этот поток. Задача была не в том, чтобы наказать вышедших из тени преступников, а поугатать их, дабы они отказались от завышенных претензий и пошли на сделку с государством. Кто осмеливался «качать права», мог только пенять на себя. Это было похоже на то, как действовали западные оккупанты в отношении магнатов немецкого бизнеса⁴⁶.

Разумеется, нельзя сводить всю деятельность людвигсбургского ведомства к выполнению политизированного государственного заказа. По крайней мере, после ухода с поста

⁴² Проходивший во Франкфурте-на-Майне Аушвицкий процесс (декабрь 1963 г. — август 1965 г.) широко освещался в прессе и подавался как образец пусть запоздавшего, но тем не менее свершившегося правосудия. Позднее было подсчитано, что из примерно 6 тыс. охранников и прочего персонала этого лагеря смерти реальные наказания получили лишь 49 человек. См.: *Jasch H.-Ch.* Op. cit. S. 214.

⁴³ *Weinke A.* Die Verfolgung von NS-Taten... S. 115.

⁴⁴ *Ibid.* S. 226.

⁴⁵ *Weinke A.* Eine Gesellschaft ermittelt gegen sich selbst. Die Geschichte der Zentralen Stelle in Ludwigsburg, 1958–2008. Darmstadt, 2008. S. 30–31.

⁴⁶ Если бы главный обвиняемый в Ульмском процессе не обратился в суд с иском о восстановлении его в должности, то он наверняка не попал бы сам на скамью подсудимых, и самого процесса не было бы.

первого его руководителя Э. Шюле (как уже отмечалось, обнаружились темные пятна в его прошлом) началось, хотя и в ограниченном объеме, сотрудничество с органами правопорядка ГДР, а затем и СССР. И в самом ведомстве, и на уровне прокуратуры и судебных инстанций находились люди, искренне заинтересованные в восстановлении справедливости. Одним из них был сотрудник гессенской прокуратуры Ф. Бауэр, который буквально «сжег себя» в борьбе против своих же коллег, сторонников испытанной тактики замалчивания или преуменьшения нацистских зверств⁴⁷.

Идеалистов-правдолюбцев типа Бауэра ждало глубокое разочарование. В одних случаях возбужденные дела прекращались, в других — вынесенные приговоры отменялись вышестоящей инстанцией. Монография Вайнке по истории людовигсбургского ведомства (кстати, более свободная от полемических выпадов против СССР и ГДР, что было характерно для ее первого труда) буквально изобилует примерами такого рода. Приведем один из них: в декабре 1961 г. суд приговорил к 12 годам заключения некоего Э. Эрлингера, скромного служащего автоконцерна «Фольксваген» в Карлсруэ, а ранее — руководителя одной из печально известных «айнзацкоманд», которые осуществляли массовые расстрелы еврейского населения. Была подана апелляция, рассмотрение ее затянулось, и в 1965 г. преступника выпустили на свободу, пока еще в качестве подсудимого; четырьмя годами позже дело было закрыто по причине его недееспособности. Как иронично отмечает Вайнке, «якобы тяжелобольной Эрлингер пережил этот судебный вердикт на более чем 20 лет»⁴⁸. Налицо была копия того фарса, который был разыгран в отношении военного преступника Манштейна в начале 1950-х годов.

С течением времени аргументация для оправдания преступников не менялась. Июнь 1956 г., процесс по делу судей, отправивших на казнь Канариса, Остера и других заговорщиков против Гитлера. Вердикт: невиновны, «всегда и везде, когда речь шла о борьбе не на жизнь, а на смерть, издавались строгие законы, направленные на защиту государства». Декабрь 1968 г., пересмотр дела Г.-И. Резе, заместителя Р. Фрайслера, председателя Народного трибунала, вместе они судили главных фигурантов все того же заговора 20 июля. Годом ранее был вынесен обвинительный приговор, теперь он отменен, поскольку «даже тоталитарное государство имеет право на самооборону»⁴⁹. По логике этих решений судить следовало тех, кто вынудил Германию обороняться и вести борьбу не на жизнь, а на смерть, т.е. солдат антигитлеровской коалиции! Вполне вероятно, западногерманская юстиция внесла таким образом свой вклад в процесс оживления неонацистских тенденций в ФРГ к концу 1960-х годов.

Деятельность социал-либеральной коалиции в какой-то мере заблокировала эти тенденции. Результатом долгой политической борьбы стало принятие закона об отмене сроков давности в отношении преступлений нацистского режима. Состоявшееся 3 июля 1979 г. голосование в бундестаге (255 — за, 222 — против)⁵⁰ показало, что меньшинство, придерживавшееся позиции «подведения черты», сохраняло достаточно сильные позиции.

Определенные изменения в судебной практике наметились после объединения Германии. Отныне составом преступления стала считаться сама принадлежность к персоналу

⁴⁷ 1 июля 1968 г. он был обнаружен мертвым в своей квартире. Запоздалым признанием его заслуг стали пышные мероприятия в ФРГ по случаю 50-летия этого трагического события. С прочувствованными речами выступили высшие должностные лица: президент Ф.-В. Штайнмайер, председатель Конституционного суда А. Фосколе, министр юстиции Х. Маас. См.: *Steinke R. Laudatio auf einen großen Demokraten // Süddeutsche Zeitung. 2.VII.2018.* В новейших биографических работах о Ф. Бауэре отмечается, в частности, его тайное сотрудничество с израильским «Моссадом» в деле разоблачения и привлечения к суду главного организатора холокоста А. Эйхмана и с органами юстиции ГДР в подготовке упомянутого процесса против Г. Глобке. См.: *Wojak I. Fritz Bauer (1903—1968). Eine Biographie. München, 2009; Steinke R. Fritz Bauer: Auschwitz vor Gericht. München, 2014.*

⁴⁸ *Weinke A. Eine Gesellschaft ermittelt gegen sich selbst. S. 30—31.*

⁴⁹ *Jasch H.-Ch. Op. cit. S. 234—235.*

⁵⁰ *Weinke A. Eine Gesellschaft ermittelt gegen sich selbst. S. 144.*

концлагеря вне зависимости от доказанности личного участия в конкретных актах насилия — расстрелах, пытках и т.д. Когда советская юстиция на подобных основаниях выносила приговоры участникам карательных команд СС, это вызывало (и вызывает до сих пор) возмущенный протест западных комментаторов: налицо нарушение принципа индивидуальной ответственности. Можно было бы считать, что немецкие судебные власти осознали необоснованность таких протестов и фактически взяли на вооружение тот подход, против которого эти протесты были обращены, — ради восстановления исторической справедливости. Однако такой вывод не отражает реальности. Если в обстановке 1940—1950-х годов речь могла идти об осуждении довольно значительной части западногерманского социума, занимавшей солидные позиции в государственной и общественной жизни, то в 2000-х годах объектами правосудия стали немногочисленные должители, которые давно утратили какое-либо влияние в обществе, а порой и вообще какое-либо представление об окружающем мире. Трудно избежать предположения, что процессы против них начинались как раз в расчете на то, что обвиняемые либо будут признаны недееспособными, либо не доживут до вступления приговора в силу, если таковой будет вынесен. Так и случилось.

Наиболее яркий пример — судьба охранника лагеря Собибор Ивана Демьянюка, получившего за свою жестокость прозвище «Иван Грозный». После войны он среди многих прочих коллаборационистов нашел прибежище в США, в начале 1980-х годов был лишен американского гражданства (по формальному основанию: в иммиграционной анкете скрыл свою службу в концлагере), экстрадирован в Израиль, приговорен там к смертной казни, неожиданно полностью реабилитирован, вновь получил американское гражданство, вновь был его лишен и, наконец, 30 ноября 2009 г. предстал перед немецким судом. 12 мая 2011 г. был вынесен приговор: пять лет лишения свободы и в ожидании решения по апелляции — освобождение из-под стражи. Высшая инстанция с рассмотрением дела не спешила, и в результате скончавшийся 17 марта 2012 г. в комфортабельном доме для престарелых преступник остался с юридической точки зрения всего лишь подозреваемым. Р. Джордано так это прокомментировал: «Правовое государство капитулировало перед задачей привлечения преступника к ответственности... Налицо чудовищная диспропорция между реальной машиной смерти в Собиборе и приговором, между убедительными показаниями свидетелей и решением освободить обвиняемого и позволить ему спокойно покинуть здание мюнхенского суда»⁵¹. Исследователь «дела Демьянюка» Г. Вефинг дает не менее определенную обобщающую оценку: «История уголовного преследования нацистских преступников в Федеративной Республике — это история полного провала»⁵².

Эта оценка подтверждается и данными статистики. Западногерманскими судами было заведено около 36 тыс. дел против более чем 160 тыс. подозреваемых в преступлении нацистского режима и только в отношении 6856 из них были вынесены обвинительные приговоры (включая, видимо, и те, что не вступили в силу)⁵³. Потрясающее соотношение цифр, особенно если провести сравнение с соответствующими показателями в ГДР.

Выводы из констатации этого очевидного факта делаются, однако, такие, что буквально не веришь своим глазам, читая высказывания ведущих немецких историков: да, попрание принципа справедливого возмездия за нацистские преступления — это каинова

⁵¹ Giordano R. Die zweite Schuld // Die Welt. 16.V.2011.

⁵² Wefing H. Der Fall Demjanjuk. München, 2011. S. 15. В целом достаточно объективное изложение автором данного дела страдает порой от явно политизированных оценок. Оказывается, на службу к нацистам Демьянюк пошел из-за ненависти к большевикам, а развилась она у него из-за того, что «сталинская насильственная коллективизация принесла Украине голод и отчаяние». Стройность этой логической цепочки нарушают только факты вполне благополучной довоенной карьеры будущего палача: работал помощником тракториста в колхозе, в 18 лет вступил в комсомол (S. 19—20).

⁵³ Jasch H.-Ch. Op. cit. S. 212. В немецкой историографии приводятся различные количественные оценки немцев и австрийцев, непосредственно замешанных в нацистском геноциде: от 200—250 до 400 тыс. См.: Jasch H.-Ch. Op. cit. S. 213; Döscher H.-J. Op. cit.

печатать на обличье ФРГ, да, имела место «почти полная социальная реинтеграция» нацистских элит (попросту говоря, преступники там вполне удобно устроились), что, конечно, «проблематично с моральной точки зрения, отчасти даже скандально», но вполне «функционально», поскольку имело «стабилизирующий» эффект для общества. Такая вот «ирония истории»⁵⁴.

Что можно сказать по этому поводу? Может ли демократия, основанная на игнорировании норм морали, считаться подлинной? Может ли она быть гарантией невозвращения фашизма? Может ли она способствовать делу мира и взаимопонимания? Ответы очевидны. И они повод отнюдь не для иронии.

Библиография / References

- Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. М., 1974.
 Нюрнбергский процесс и современность. М., 1986.
 Нюрнбергский процесс: уроки истории. Материалы международной научной конференции. Москва, 20–21 ноября 2006 г. / под ред. Н.С. Лебедевой, В.В. Ищенко. М., 2007.
Полторак А.И. Нюрнбергский процесс (основные правовые проблемы). М., 1966.
Поссеке Р. Арест и освобождение немцев из спецлагерей НКВД/МВД СССР в Германии 1945–1950 гг. // Специальные лагеря НКВД/МВД СССР в Германии. 1945–1950 гг. Сб. документов и статей / под ред. С.В. Мироненко. М., 2001. С. 288–310.
 СССР и германский вопрос. Т. 2 / сост. Г.П. Кынин, Й. Лауфер. М., 2000.
 СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории. М., 2012.
 Установление дипломатических отношений между СССР и ФРГ. Немецкие военнопленные в СССР. Материалы международного научного семинара (Вологда, 17–18 октября 2005 г.). Вологда, 2006.
Lebedeva N.S. Podgotovka Niurnbergskogo protsesssa [Preparation of the Nuremberg trial]. Moskva, 1974. (In Russ.)
 Niurnbergskii protsess i sovremennost' [The Nuremberg Process and Modernity]. Moskva, 1986. (In Russ.)
 Niurnbergskii protsess: uroki istorii. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 20–21 noiabria 2006 g. [The Nuremberg Trial: Lessons of History. Materials of the international scientific conference. Moscow, November 20–21, 2006] / pod red. N.S. Lebedevoi, V.V. Ishchenko. Moskva, 2007. (In Russ.)
Poltorak A.I. Niurnbergskii protsess (osnovnye pravovye problemy) [The Nuremberg Trial (basic legal problems)]. Moskva, 1966. (In Russ.)
Possekel R. Arest i osvobozhdenie nemtsev iz spetslagerei NKVD/MVD SSSR v Germanii 1945–1950 gg. [Arrest and release of Germans from NKVD special camps/USSR Ministry of Internal Affairs in Germany 1945–1950] // Spetsial'nye lageria NKVD/MVD SSSR v Germanii. 1945–1950 gg. Sb. dokumentov i statei [Special camps of the NKVD/USSR Ministry of Internal Affairs in Germany] / pod red. S.V. Mironenko. Moskva, 2001. S. 288–310. (In Russ.)
 SSSR i germanskii vopros [The USSR and the German Question]. T. 2 / sost. G.P. Kynin, I. Laufer. Moskva, 2000. (In Russ.)
 SSSR i Niurnbergskii protsess. Neizvestnye i maloizvestnye stranitsy istorii [The USSR and the Nuremberg Trials. Unknown and little-known pages of history]. Moskva, 2012. (In Russ.)
 Ustanovlenie diplomaticheskikh otnoshenii mezhdru SSSR i FRG. Nemetskie voennoplennnye v SSSR. Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminar. (Vologda, 17–18 oktiabria 2005 g.) [Establishment of diplomatic relations between the USSR and Germany. German prisoners of war in the USSR. Materials of the International scientific seminar. (Vologda, October 17–18, 2005)]. Vologda, 2006. (In Russ.)
Bästlein K. The GDR's Judgment against Hans Globke // After Auschwitz: The Difficult Legacies of the GDR / eds E. Heitzer, A. Kahane, M. Jander, P. Poutrus. New York, 2021. P. 74–87.
 Braunbuch. Kriegs- und Naziverbrecher in der Bundesrepublik und in Westberlin. 3-te Auflage. Berlin, 1968.
Döscher H.-J. Aufarbeitung von NS-Unrecht. Was die Staatsanwältin sah // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 19.X.2015.
Eichmüller A. Keine Generalamnestie. Die Strafverfolgung von NS-Verbrechen in der frühen Bundesrepublik. München, 2012.
Eisert W. Die Waldheimer Prozesse: der stalinistische Terror 1950. Ein dunkles Kapitel der DDR-Justiz. München, 1993.

⁵⁴ *Herbert U.* Op. cit. S. 667; *Sontheimer K.* Die Adenauer-Ära. Grundlegung der Bundesrepublik. München, 1991. S. 177; *Wolfrum E.* Geglückte Demokratie. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland von ihren Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 2006. S. 172; *Jarausch K.* Die Umkehr. Deutsche Wandlungen 1945–1995. Bonn, 2004. S. 181.

- Fischer Th.* Vorwort // *Karrieren in Zwieliht. Hitlers Eliten nach 1945* / Hrsg. N. Frei. Frankfurt a.M., 2002. S. 6–8.
- Giordano R.* Die zweite Schuld // *Die Welt*. 16.V.2011.
- Giordano R.* Die zweite Schuld oder Von der Last Deutscher zu sein. Hamburg, 1987.
- Herbert U.* Geschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert. München, 2014.
- Jarausch K.* Die Umkehr. Deutsche Wandlungen 1945–1995. Bonn, 2004.
- Jasch H.-Ch.* NS-Verbrecher vor bundesdeutschen Gerichten. Zur Täterschaft und Täterbegriff // *Aufarbeitung des Nationalsozialismus: Ein Kompendium* / Hrsg. M. Brechtken. Göttingen, 2021. S. 210–246.
- Kettenacker L.* Germany since 1945. London, 1997.
- Kittel M.* Die Legende von der “Zweiten Schuld”. Vergangenheitsbewältigung in der Ära Adenauer. Berlin; Frankfurt a.M., 1993.
- Lingen K. von.* Allen Dulles, the OSS, and Nazi War Criminals: The Dynamic of Selective Prosecution. New York, 2013.
- Müller S., John T.* Die Mörder unter uns. Der Ulmer Einsatzgruppenprozess 1958. Stuttgart, 2008.
- Nichols A.J.* The Bonn Republic: West German Democracy. London, 1997.
- Overmans R.* “Ein untergeordneter Eintrag im Leidenbuch der jüngeren Geschichte”? Die Rheinwiesenerlager 1945 // *Ende des Dritten Reiches – Ende des Zweiten Weltkriegs. Eine perspektivische Rückschau* / Hrsg. H.-E. Volkmann. München; Zürich, 1995. S. 259–291.
- Schanetzky T.* Unternehmer: Profiteure des Unrechts // *Karrieren in Zwieliht. Hitlers Eliten nach 1945* / Hrsg. N. Frei. Frankfurt a.M., 2002. S. 73–126.
- Schmeitzner M.* Besondere Härte? Die sowjetischen Verfahren von SS- und Polizei-Komplex // *Die SS nach 1945* / Hrsg. J.E. Schulte, M. Wildt. Entschuldungsnarrative, populäre Mythen, europäische Erinnerungsdiskurse. Göttingen, 2018. S. 145–161.
- Scholten J.* Offiziere: Im Geiste unbesiegt // *Karrieren in Zwieliht. Hitlers Eliten nach 1945* / Hrsg. N. Frei. Frankfurt a.M., 2002. S. 131–180.
- Sonthheimer K.* Die Adenauer-Ära. Grundlegung der Bundesrepublik. München, 1991.
- Sowjetische Militärtribunale.* Bd. 1. Die Verurteilung deutscher Kriegsgefangenen 1941–1953 / Hrsg. A. Hilger, U. Schmidt, G. Wagenlehner. Köln, 2001.
- Sowjetische Militärtribunale.* Bd. 2. Die Verurteilung deutscher Zivilisten, 1945–1955 / Hrsg. A. Hilger, M. Schmeitzner, U. Schmidt. Köln, 2003.
- Steinke R.* Fritz Bauer: Auschwitz vor Gericht. München, 2014.
- Steinke R.* Laudatio auf einen großen Demokraten // *Süddeutsche Zeitung*. 2.VII.2018.
- Todesurteile sowjetischer Militärtribunale gegen Deutsche (1944–1947).* Eine historisch-biographische Studie / Hrsg. A. Weigelt, K.-D. Müller, Th. Schaarschmidt, M. Schmeitzner. Göttingen, 2015.
- Wefing H.* Der Fall Demjanjuk. München, 2011.
- Weinke A.* Die Verfolgung von NS-Taten im geteilten Deutschland. Vergangenbewältigung 1949–1969 oder: Eine deutsch-deutsche Beziehungsgeschichte im Kalten Krieg. Paderborn, 2002.
- Weinke A.* Eine Gesellschaft ermittelt gegen sich selbst. Die Geschichte der Zentralen Stelle in Ludwigsburg, 1958–2008. Darmstadt, 2008.
- Wojak I.* Fritz Bauer (1903–1968). Eine Biographie. München, 2009.
- Wolfrum E.* Geglückte Demokratie. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland von ihren Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 2006.